

ХОЖДЕНИЕ ВО ВЛАСТЬ ГОСТЯ АВЕРКИЯ КИРИЛЛОВА

Нужды финансового управления XVII в. заставляли власти использовать опыт торговых людей на государственной службе. В первую очередь это относится к гостям — высшему и наиболее привилегированному чину торговых людей. В XVII веке несколько гостей стали дьяками, а двое — даже думными дьяками. Некоторых гостей жаловали в дьяки целыми семьями. Три брата Чистые — Аника, Иван и Назарий, все гости, стали дьяками в середине XVII в., причем Назарий был думным дьяком, одним из наиболее влиятельных лиц финансового управления при боярине Б. И. Морозове в годы малолетства царя Алексея Михайловича. Гости отец и сын Кирилловы играли аналогичную роль при боярине И. М. Милославском в начале царствования Федора Алексеевича. Целые семьи гостей среди приказного начальства приносили в приказную среду новые представления и традиции. Рассмотрим это явление на примере гостя Кириллова.

Аверкий Степанович Кириллов родился в 1622 г. и стал гостем в 1659 г. прямо из посадских людей, а в 1666 г. пожалован в гости и его сын Яков¹. Как и положено гостю, А. С. Кириллов нес государственную службу: был таможенным головой в Архангельске, поставлял казне персидские товары и вино, брал на откуп поташное и смольчужное дело².

А. С. Кириллов усердно заботился о храме Николая в Берсеневке, который воздвиг на свои средства. Торговые люди придавали большое значение церковному строительству, ибо это позволяло им оправдать свою деятельность перед лицом евангельских заветов нестяжания.

Гость А. С. Кириллов разделял недовольство торговых людей стяжанием монахов и приказных. В 1662 г. он подписал коллективное мнение гостей, которые в осторожной форме критиковали монастырские тарханы³. В 1676 г. вместе с тотемскими посадскими людьми А. С. Кириллов подал челобитную на местного воеводу кн. С. П. Вяземского «во взятках и во всяких налогах»⁴.

В начале царствования Федора Алексеевича боярин И. М. Милославский доверил бывшему гостю ключевые посты в финансовом управлении: 6 января 1677 г. Аверкий Кириллов был пожалован в думные дьяки, а 9 января — получил назначение в приказы Большой казны и Большого прихода. 7 марта его сын Яков был пожалован в дьяки и вместе с отцом назначен во Владимирскую, Галицкую и Новгородскую

четверть. Таким образом, А. С. Кириллов стал помощником И. М. Милославского в управлении пятью важнейшими финансовыми приказами.

У Аверкия Степановича не было опыта приказной работы. Во время болезни И. М. Милославского весной 1678 г. его приказные товарищи запустили дела. Келарь Успенского Тихвинского монастыря сетовал на их неопытность: И. М. Милославский «сам в приказе не сидит, околничей Илья Иванович Чириков да думной дьяк Аверкей Кириллов, посидя, меж себя поговоря, да ис приказы вон, люди новые, в приказах преж сего не сиживали, завтремя от челобитчиков отходят и малые выписки тридцатью переписывают, а на мере поставить не могут»⁵.

И. М. Милославский и А. С. Кириллов вознамерились поправить финансы страны за счет отмены монастырских тарханов⁶. Эту политику они проводили последовательно и твердо. В октябре 1678 г. старцы московского иверского подворья жаловались своим властям на редкую непреклонность А. С. Кириллова в этом вопросе: «А от думного, государя, от Аверкия Степановича в Новгородском приказе на дом Пресвятыя Богородицы великое посягательство, а не то, что, государи, на нас одних, но и вси монастыри от него плачут <...> от нас челобитья к нему и докуки было много, <...> и он отнюдь не подался ни в чем. И пока он Аверкей в Новгородском приказе будет, и нам от него ничего доброго не видать, будет такового посягателя Бог наслал на нас»; «такой сопостат настал, а опроче ево минуть немочно, что Новгородской приказ и Большая казна и приход Большой и иные приказы по государеву указу велено ведать боярину Ивану Михайловичю Милославскому с товарищи, а он Аверкей в тех же приказах с ним боярином ведает. И боярин ево гораздо бережет, ничево с него не снимает, тем и мочен гораздо». Иверские старцы били челом патриарху, чтобы он повлиал на непреклонного А. С. Кириллова, но патриарх «сказал: “и мне де что с ним делать, он де мало ко мне и ко благословию ходит”». И мы изумились, — писали монахи, — как в той пошлине помогать»⁷.

По документам патриарших приказов можно заключить, что А. С. Кириллов действительно редко ходил к патриаршему благословию. Уклоняясь от благословения, придворный выражал тем самым непочтение патриарху. Впрочем, даже непокорный А. С. Кириллов не смел полностью игнорировать обычай: на свои именины 22 октября он являлся к патриарху с именинным пирогом в 1674 и 1680 гг. и получал благословение особо дорогими иконами из патриаршей келейной казны⁸. Как можно понять со слов Иоакима, А. С. Кириллов лишь иногда уклонялся от патриаршего благословения, но уже и это отличало его от

большинства думных людей.

Молва о том, что А. С. Кириллов не поддается на подношения от просителей, быстро распространилась по стране. В ноябре 1678 г. соборные старцы Успенского Тихвинского монастыря разбирали дело о злоупотреблениях своего московского стряпчего Ивана Спиридонова. «Да в ево ж Ивашковых росходных московских книгах, как он жил на Москве за делами, написано от малых дел большие дачи, чему збытца невозможно <...> будто дано дьяком думному Аверкию да сыну ево Якову Кирилловым по пирогу да по белой рыбицы, цена дватцать алтын, да меду двадцать пуд, цена двенадцать рублей. И то он написал ложно воровски, про них многим ведомо, что ничево не емлют, не только меду или иных каких дач, ни хлеба, конечнее ни иконы»⁹. Другими словами, даже икону вручить А. С. Кириллову с сыном было просто.

Сдержанное отношение А. С. Кириллова к патриарху и монастырям не было проявлением негативного отношения к церкви или вере вообще. Царь Федор заметил благочестие нового думного дьяка и заинтересовался святынями церкви на Берсеневке, где А. С. Кириллов был главным ктитorem. 3 апреля 1677 г. по царскому указу в Серебряной палате была изготовлена копия креста с мощами, который А. С. Кириллов «построил» в церковь Николая на Берсеневке¹⁰. 25 марта 1679 г. царь пожаловал А. С. Кириллову из своей казны «крест кипарисной, на нем вырезаны по обе стороны государские дванадцать празник». Этот крест еще в 1652 г. поднес Алексею Михайловичу архиепископ македонского Погаянинского монастыря. Возможно, это был ответный подарок царя за крест из Берсеневской церкви, скопированный в 1677 г. На следующий день, 26 марта 1679 г., А. С. Кириллов относил в царские хоромы четырнадцать свечей, присланных от иерусалимского патриарха и сербского митрополита в 1644 г. — эти свечи «зажжены были на гробе Господни от небесного огня»¹¹. Такого рода поручения царя не были связаны с прямыми обязанностями думного дьяка и были проявлением каких-то личных взаимоотношений царя и А. С. Кириллова в делах благочестия.

С 1679 г. А. С. Кириллов стал открыто выступать против своего начальника И. М. Милославского. В марте 1680 г. власти Успенского Тихвинского монастыря подали челобитную о позволении по прежним их жалованным грамотам приезжать иноземцам в Тихвин для торговли — монастырю было выгоднее торговать здесь, а не в Новгороде. На свое челобитие монастырь получил царский «имянной приказ» И. М. Милославскому: «немцам ездить попрежнему». Казалось бы, дело было решено в пользу монастыря. Однако «по наговору» новго-

родских посадских людей «недобродей дому Пресвятыя Богородицы» А. С. Кириллов «то дело спорит, а говорит: то новгородцы де говорят: в монастырь де возьмут пошлин с немец пятьдесят рублей, а в государеву казну не будет пятисот рублей». Как и в других случаях, А. С. Кириллов встал на сторону интересов казны и посадских людей¹². «Оспорив» имянной приказ царя И. М. Милославскому, А. С. Кириллов пошел против своего начальника. И это не единственный факт.

В 7189 (1680/81) г. служба Кандалакшского монастыря приехал в Москву добиваться освобождения обители от податей. Он начал с подношения икон, пирогов, рыбы и денег боярину И. М. Милославскому, его дворецкому, дьякам и подьячим приказа Большой казны. В расходных записях служебника нет никаких подношений думному дьяку А. С. Кириллову, который, как знали все монастырские власти, ничего не брал от монастырей. Затем служебник подал челобитную И. М. Милославскому об освобождении монастыря от платежа десятой деньги за два прошлых года. Эту челобитную боярин «подавал самому великому государю вверху». Как видим, глава приказа Большой казны сам был ходатаем перед царем за неплательщиков податей. С боярского доклада царь указал десятую деньгу с монастыря не брать. Однако А. С. Кириллов «тое подписную челобитную оспорил». Тогда кандалакшский служебник подал вторую челобитную И. М. Милославскому, «и та челобитная была также подписана, что и первая. И он думной дьяк Аверкей и ту челобитную оспорил же и велел великого государя грамоту дать», чтобы взять причитавшуюся с монастыря десятую деньгу¹³. А. С. Кириллов не слушал распоряжений И. М. Милославского и противодействовал мнению своего прямого начальника даже после того, как боярин добивался имянного царского указа. Бывший гость оказался самым последовательным защитником казенного интереса и ограничения монастырских привилегий.

В борьбе против монастырских привилегий А. С. Кириллов проявил твердость и даже упрямство. Поразителен принципиальный отказ А. С. Кириллова от подношений. В этом можно усмотреть естественное продолжение его негативного отношения к привилегиям церкви и приказному мздоимству. Против этого А. С. Кириллов выступал еще до получения думного чина. Среди приказного делопроизводства, чем вызывал насмешки окружающих; демонстративно отказывался от подношений; не ходил к патриарху для благословения, как это было заведено у дьяков.

До сих пор остается открытым вопрос: что преобладало в гостях — купец или государственный чиновник¹⁴. Для ответа на вопрос, что

преобладало в облике гостя — служба или предпринимательство, купец или чиновник, следует иметь в виду, что эти понятия не однозначны. У А. С. Кириллова были собственные представления об интересах казны, отличные от мнения высокого начальства. Он не был ни послушным чиновником, ни знатоком канцелярии. Такому человеку было трудно ужиться в системе самодержавной власти.

Положение гостя ставило его обладателя на грань между предпринимательством и государственной службой. Он не был своим ни для посадских людей, ни для начальства. Пожалование гостя в думные дьяки лишь усугубляло это положение. Оба таких думных дьяка — Назарий Чистой и Аверкий Кириллов погибли от рук восставших горожан. В челобитной 1682 г. восставшие стрельцы и московские посадские люди обвинили мертвого А. С. Кириллова в том, что он «великия взятки имал и налогу всякую и неправду чинил»¹⁵, — обвинение сильно преувеличенное, если не ложное. На самом деле трудно было сыскать другого такого неподкупного приказного.

Примечания

¹ Голикова Н. Б. Привилегированные купеческие корпорации России XVI—первой четверти XVIII в. М., 1998. Т. 1. С. 140.

² Дела Тайного приказа. Кн. 1. СПб., 1907. Стб. 538—539; Кн. 3. СПб., 1904. Стб. 1553, 1561, 1563; *Заозерский А. И.* Царская вотчина XVII в. М., 1937. С. 128

³ *Зерцалов А. О.* Мятехах в городе Москве и селе Коломенском 1648, 1662, 1771 гг. М., 1890. С. 262

⁴ РГАДА. Ф. 210. Московский стол. Стб. 525. Л. 159—160.

⁵ Архив СПбФ ИРИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Картон 24. № 154. Л. 2.

⁶ Подробнее см.: *Седов П. В.* Борьба крупных монастырей против отмены тарханов в 1670-х гг. // *Духовное, историческое и культурное наследие Кирилло-Белозерского монастыря: К 600-летию основания.* СПб., 1998. С. 34—49.

⁷ Архив СПбФ ИРИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. № 2716. Л. 60, 72, 79.

⁸ РГАДА. Ф. 235. Оп. 2. № 85. Л. 15об.—16; Ф. 236. Оп. 1. № 42. Л. 62об.

⁹ Архив СПбФ ИРИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Картон 26. № 81. Л. 3; ср.: Там же. Оп. 2. № 364. Л. 26об.

¹⁰ *Успенский А. И.* Церковь св. Николая чудотворца на Берсеневке. М., 1906. С. 19.

¹¹ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. № 254. Л. 76, 77.

¹² Архив СПбФ ИРИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Картон 28. № 26. Л. 3.

¹³ Отчет Императорской Публичной библиотеки за 1889 год. СПб., 1893. С. 138—139.

¹⁴ *Флоря Б. Н.* [Рец.]: Голикова Н. Б. Привилегированные купеческие кор-

порации России XVI—первой четверти XVIII в. Т. 1. М., 1998 // *Отечественная история.* 2001. № 2. С. 181.

¹⁵ *Восстание в Москве 1682 года: Сб. док. М., 1976. С. 37.*

М. С. Черкасова

НОВЫЕ ДАННЫЕ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВОЛОГОДСКОГО ГОСТЯ Г. М. ФЕТИЕВА

Имя видного вологодского купца Гаврилы Мартыновича Фетиева (?—декабрь 1683 г.) стало широко известным в научной литературе после статьи Е. И. Заозерской¹. Исследовательница использовала в основном духовное завещание купца от 27 ноября — 22 декабря 1683 г., опубликованное И. Н. Суворовым в 1873 г. в «Вологодских епархиальных ведомостях», а также таможенные книги, в которых с 1659 по 1684 г. имя Фетиева упоминается 7 раз. Как «памятник былой культуры» анализировал это завещание вологодский краевед В. Н. Трапезников². Таким же памятником можно признать и обладающий несомненными художественными достоинствами портрет (по мнению вологодского искусствоведа М. Е. Дайен, — это парсуна) Г. М. Фетиева, неоднократно репродуцированный в разных изданиях. Сравнительно недавно Л. А. Тимошина в обстоятельной статье о расселении гостей в русских городах выявила сведения и о расположении дворов Фетиевых (Мартына и Гаврилы) по дозорным, писцовым и переписным книгам Вологды 1616/17, 1627/28, 1646 и 1678 гг.³ До сих пор оставались неиспользованными сведения о Фетиеве, которые можно почерпнуть из Коллекции столбцов Государственного архива Вологодской области (ГАВолО. Фонд 1260). В составе этого необъятного фонда фрагментарно сохранилась документация Вологодских земской и таможенной изб, а также архив Владимирской градской церкви, в который в конце XVII в. были переданы семейные документы Фетиева. На их основе, а также с привлечением приходо-расходных и переписных книг Спасо-Прилуцкого монастыря и Вологодского архиерейского дома можно расширить круг известий о биографии, чертах личности и торгово-предпринимательской деятельности Г. М. Фетиева. Введению их в научный оборот и посвящена данная заметка. Выявленная нами информация отражает отношения Фетиева с местным посадским ми-